

Текст
СВЕТЛАНА ОРЛОВА,
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ **«Б.О»**

Между устойчивостью и новыми рисками

Санкции, технологические изменения и рост долговой нагрузки меняют структуру угроз для российской банковской системы

Российский банковский сектор, выдержавший шоки 2022 года и сумевший сохранить стабильность, сегодня сталкивается с иным (по крайней мере, с сильно изменившимся) набором вызовов. Санкционные ограничения больше не воспринимаются как смертельная угроза, но на первый план вышли инфраструктурные, технологические и кредитные риски. Банки вынуждены одновременно адаптироваться к новой реальности, поддерживать клиентов и инвестировать в цифровую безопасность, тогда как конкуренция на рынке усиливается за счет игроков из экосистем

Российский финансовый рынок и его банковский сектор уже более трех с половиной лет существуют в непривычной для себя реальности — почти полностью отрезанные от международных рынков капитала, от европейских и американских партнеров, от ряда западных технологий, под беспрецедентным санкционным давлением со стороны так называемых недружественных государств. После шоков 2022 года стало ясно: отечественные кредитные организации не только выстояли, но и прошли острый период адаптации без критических потерь. Стабильность системы в целом не была нарушена.

В условиях новой реальности банковскому сектору пришлось одновременно решать как адаптационные, так и трансформационные задачи. Этот этап привыкания к новым правилам игры также постепенно завершается без особых видимых потерь. Однако сохранившаяся устойчивость банковской системы не означает отсутствия для нее угроз. За эти годы сформировались новые риски и актуализировались старые, причем одна (бóльшая) часть этих процессов напрямую связана с изменившейся внешней средой, а другая — с внутренними структурными процессами, на которые также, в частности, повлияла международная конъюнктура.

Международные и санкционные риски опрошенные «Б.О» эксперты и участники банковского рынка выделяют как одни из основных. «До 2022 года вопрос отключения российских банков от мировой финансовой системы не стоял так остро, хотя с 2014 года вероятность возрастала. Сегодня даже небольшие банки так или иначе учитывают, что в международных платежах или в работе с иностранными валютами есть риск отключения от международных рынков и пропажи целых направлений бизнеса», — рассказал партнер-эксперт консалтинговой компании «Яков и Партнеры» **Илья Иванинский.** По его словам, это касается не только так называемых недружественных стран, ведь существуют риски вторичных внешних ограничений для стран, которые продолжают партнерство с Россией.

«Многими банками существенно сокращены трансграничные операции ввиду риска блокировки средств и отказов в проведении операций контрагентами из-за риска вторичных санкций», — сообщил начальник департамента интегрированных рисков банка «Зенит» **Николай Пащенко.** Он напомнил, что денежные средства, ценные бумаги и другие активы российских кредитных организаций были заблокированы банками и клиринговыми организациями из недружественных государств.

Впрочем, сейчас банки более или менее адаптировались к санкционным ограничениям, считает директор по банковским рейтингам агентства «Эксперт РА» **Юлия Якупова.** Наибольшую актуальность этот риск приобрел в 2022 году, сейчас же он «не играет такой существенной роли», кредитные организации научились с ним работать и «всесторонне учитывают этот риск».

Помог и регулятор в случаях реализовавшегося риска блокировки активов. «Банк России своевременно поддержал банковскую систему, реализовав меры поддержки, в том числе за счет снижения надбавок к показателям достаточности капитала, графика поэтапного формирования резервов», — отметил Николай Пащенко.

Вышли на первый план также инфраструктурные и технологические риски. Обострение геополитической напряженности ускорило переход российских кредитных организаций на зарубежное программное обеспечение. Это подстегивалось как решениями властей, которые устанавливали сжатые сроки перехода банков на отечественное ПО, так и уходом из России ряда иностранных вендоров. «Возникла необходимость перехода с зарубежных программных продуктов на отечественные и иные доступные аналоги. Импортозамещение требует от банков больших вложений», — признался Николай Пащенко.

«Начиная с 2022 года было принято важное решение о переходе на отечественный софт. Это решение, безусловно, правильное, направленное на укрепление суверенитета российской финансовой системы, но оно за собой влечет довольно важный риск», — считает Илья Иванинский. Во-первых, по его словам, не весь софт есть в России, а во-вторых, не весь софт, который есть, «работает хорошо или с уровнем надежности относительно того, к чему все привыкли». «Это создает риск того, что можно не успеть перейти на новое программное решение, которое обеспечит стабильную работу сервисов», — подчеркнул эксперт. «Проблема не в качестве российских банковских решений, которые уже зарекомендовали себя на рынке с лучшей стороны (например, Система быстрых платежей или многие автоматизированные банковские системы), а например, в обеспечивающих (офисных) программных решениях. Российский бизнес только переходит с западных на российские стандарты», — указал он.

С развитием технологий, переходом на отечественное ПО и обострением геополитической ситуации, которая побуждает политически мотивированных хакеров (хактивистов) к действиям, возросли риски информационных систем и системной безопасности. «Участились хакерские атаки на банковскую инфраструктуру. Несвоевременное реагирование на подобные атаки приводит к значительному ущербу», — отметил Николай Пащенко. Риски в сфере киберугроз выделила также начальник департамента риск-менеджмента ББР-банка **Наталья Коростелева.**

«Для противодействия данному риску российские банки вынуждены существенно увеличивать инвестиции в обеспечение операционной стабильности, а также в развитие и усиление информационных технологий», — добавила Юлия Якупова. Старший менеджер практики управления финансовыми рисками аудиторской и консалтинговой компании «Технологии доверия» («ТеДо») **Илья Степанов** обратил внимание на то, что все это в целом ведет к росту зависимости от технологичных решений, в том числе искусственного интеллекта (ИИ).

В последнее время для российских банков актуализировался кредитный риск. Это касается и крупных заемщиков, и малых и средних предприятий (МСП), а также долгов населения. После 2022 года у крупных российских компаний закрылся доступ к западным рынкам заимствований. Исторически именно экспортеры во многом финансировали свою деятельность за счет валютных кредитов, которые выдавались иностранными банками под более низкий процент, чем рублевые, рассказал Илья Иванинский. Теперь же возможности рефинансирования остались только на внутреннем рынке капитала. Это привело к росту ставок по депозитам: банкам пришлось активнее привлекать средства населения, чтобы кредитовать корпорации.

«Это, с одной стороны, неплохо, потому что позволило населению выгодно вложить свои средства. Но с другой стороны, такая тенденция создала большую нагрузку на компании: им пришлось увеличить размер корпоративных портфелей, при этом привлекая финансирование с довольно высокой ставкой», — полагает эксперт. По его мнению, «если финансовая нагрузка на корпоративных клиентов продолжит расти, то будет повышаться риск дефолтов», что, в свою очередь, создаст риски для всей финансовой системы. Впрочем, с началом снижения ключевой ставки ЦБ такие риски постепенно митигируются, поскольку в последнее время многие большие корпоративные кредиты выдавались с плавающей ставкой, уточнил он.

Но не только закрытие рынков внешних заимствований повлияло на рост кредитных рисков. Ужесточение денежно-кредитной политики (ДКП), начавшееся со второй половины 2023 года, увеличило стоимость заимствований — долговая нагрузка выросла как для компаний, так и для физических лиц, а возможности перекредитования сокращаются, пояснил Николай Пащенко.

«В последнее время на фоне роста долговой нагрузки предприятий и населения в условиях высоких процентных ставок все больше растет значимость кредитного риска», — солидарна с ним Юлия Якупова. Также, по ее словам, складывающаяся в течение последних лет конкурентная среда привела к росту концентрации крупных кредитных рисков, что также требует особого внимания.

Кроме того, жесткая ДКП в целом снижает экономическую активность бизнеса в России. «На первый план выходит кредитный риск. Банки вынуждены закладывать дополнительные резервы под потенциальные дефолты», — указал Николай Пащенко.

«Учитывая текущую сложную экономическую ситуацию, связанную с ДКП и длительным периодом высоких процентных ставок, многие компании испытывают серьезные финансовые трудности с обслуживанием и погашением своих обязательств, работая на уровне безубыточности. Это не позволяет им иметь достаточный запас прочности на случай непредвиденных ситуаций в бизнесе», — добавила Наталья Коростелева.

Также, по ее словам, «участились случаи реализации мошеннических схем в области кредитования, при этом наблюдается рост таких кейсов после начала периода геополитической напряженности»: «Причин может быть несколько. Кто-то выгорел, ведя бизнес годами, а затянувшаяся ситуация в экономике с высокими ставками приводит к стагнации и убыточности бизнеса. Кроме того, возможность проведения трансграничных переводов в рамках параллельного импорта создает сложности для кредитных организаций в оценке реальности конечного контрагента — получателя средств. Это, в свою очередь, открывает лазейки для вывода средств на компании, входящие в мошеннические цепочки, в том числе в иностранные юрисдикции».

Изменение портрета и поведения клиента на фоне общего роста закредитованности в том числе негативно сказывается на качестве работы банковских моделей, что, в свою очередь, приводит к росту кредитного риска, отметил Илья Степанов. По его словам, это также стало причиной возрастания модельных и аналитических рисков: «Разработанные на старой статистике модели начинают работать хуже по качеству точности и ранжирования, что приводит банки к необходимости использовать более частые перестроения и более короткие триггеры для предсказания».

«В моделях необходимо учитывать будущие динамики рынка, например, дефолтности, что на текущем рынке сделать чрезвычайно сложно, поэтому частым решением, которое банки используют, становится совместная работа по определению "целевых точек" в рамках слаженной коммуникации сразу нескольких подразделений: бизнеса, рисков и Data science», — рассказал эксперт.

Все большее внимание банки уделяют рискам мошенничества и социальной инженерии, которые, как отмечают эксперты и участники рынка, выросли. «В течение последних лет растет угроза различных цифровых преступлений в отношении как банков, так и их клиентов», — отметила Юлия Якупова. «Все, что касается развития электронных платежных систем и существенного оборота денежной массы, привлекает мошенников, которые постоянно совершенствуют свои схемы, позволяющие обмануть добропорядочных плательщиков», — рассказала Наталья Коростелева.

По ее словам, банкам приходится на ежедневной основе осуществлять мониторинг новых схем мошенничества, оперативно обновлять процедуры и процессы в кредитной организации. Существенную роль в работе с такими рисками «играют расширение партнерства с государственными структурами, а также разработка и реализация программ повышения осведомленности клиентов о рисках кибермошенничества», — сообщила Юлия Якупова.

Наконец, не является статичной и сама банковская система: появляются и быстро растут новые игроки, что создает конкурентные риски для устоявшихся участников рынка. «Со стороны таких банков, как Яндекс Банк, Вайлдберриз Банк, Озон Банк» (то есть банков при маркетплейсах — об их стремительном росте «Б.О» уже писал. — *Ред.*), наблюдается рост активов, обусловленный системной интеграцией банков в продукты, которыми пользуются клиенты», — рассказал партнер, руководитель практики управления финансовыми рисками «ТеДо» **Дмитрий Копылов.** Эти «новые» банки «имеют ежедневное «касание» с клиентом через продукты своих материнских экосистем, отметил эксперт: «Такая ситуация приводит к обострению борьбы за то, чтобы быть основным приложением в телефоне клиента, и требует учета в стратегии банков».

Естественным образом, расширение количества рисков, изменение их структуры ложится на работу отделов риск-менеджмента банков. «Работа стала более сложной, поскольку необходимо учитывать больший спектр рисков, изучать новые схемы расчетов, в том числе с использованием агентских схем, соблюдать более жесткие требования регулятора по оценке операций, совершаемых клиентами банков», — поделилась наблюдениями Наталья Коростелева. В целом, по ее словам, модели оценки рисков для получения релевантного результата становятся более многофакторными и требуют постоянных пересмотра и калибровки.

Кроме того, в последнее время произошли значительные изменения в нормативной базе, разрабатываемой Банком России, посетовал Николай Пащенко: «Обновилось много нормативных документов, много изменений — еще в проектах». «Нормативные требования регулятора постоянно усиливаются», — подчеркнула и Наталья Коростелева. «Современный рисковик должен оперативно реагировать на регуляторные изменения, постоянно следить за макроэкономикой, своевременно оценивать влияние изменений на деятельность банка и принимать верные решения», — добавил ее коллега из «Зенита» Николай Пащенко. Б.О